DOI: https://doi.org/10.24833/0869-0049-2026-1-110-123

Исследовательская статья
УДК: 341
Поступила в редакцию: 06.05.2025
Принята к публикации: 10.02.2026

Михаил Владимирович ГЛАЗАТОВ
Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы
Миклухо-Маклая ул., 6, Москва, 117198, Российская Федерация
mglazatov@yandex.ru
ORCID 0009-0001-0476-2235

О НОВЫХ ПОДХОДАХ К ПРИМЕНЕНИЮ СУБСИДИЙ ДЛЯ ДОСТИЖЕНИЯ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО СУВЕРЕНИТЕТА

ВВЕДЕНИЕ. *Современные международные торговые отношения характеризуются состоянием глубокой структурной трансформации, происходящей на фоне нарастающей макроэкономической нестабильности и геополитических вызовов. В этом контексте особую значимость приобретает институт субсидирования, рассматриваемый как комплексное правовое явление, очерчивающее инструмент государственного регулирования, применяемый в широких социально-экономических целях, в том числе и для решения задач достижения технологического суверенитета. Универсальность субсидии ставит вопрос о правовом формате, соединяющем, по сути, несколько отраслей права, поскольку субсидии остаются как активным инструментом торговой политики и промышленной поддержки, так и действенным способом секторального и технологического развития, и, соответственно, могут применяться комбинированно. Такой взгляд на субсидии предполагает акцент на конкретных постоянных результатах, а не на получении единовременного преимущества.*

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. *Соответственно, в анализ вовлечены материалы научной и экспертной юридической литературы, касающиеся вопросов национальной безопасности и технологического суверенитета, а также формирования комплексных правовых образований, к которым, как представляется, относятся и субсидии. Гипотезы статьи основываются на анализе различных подходов к концептуализации технологического суверенитета и роли субсидирования как инструмента государственной поддержки, позволяющего асимметрично демпфировать возрастающее давление искусственного интеллекта (далее – ИИ) в экономических взаимосвязях.*

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. *Исследование показало, что международные торговые правила, выработанные в рамках системы Всемирной торговой организации (далее – ВТО), рассматривают субсидии с позиции механизма их предоставления, получателя и распределителя поддержки. Однако целевому назначению субсидий уделяется значительно меньше внимания. Субсидии рассматриваются только с позиции получения преимущества. Именно поэтому назрела необходимость скорректировать модели субсидирования. Принципиально важным становится обеспечение рационального субсидирования, направленного на эффективное использование государственных ресурсов, создающих условия для развития современных технологичных производств и отвечающих национальным целям развития экономики.*

ОСНОВНЫЕ ВЫВОДЫ. *Цели и задачи, формируемые документами стратегического планирования, эффективно могут быть решены только при правильном использовании инструментов регулирования. Уже сейчас нужно учитывать динамичность и взаимосвязь различных правовых норм и институтов. Это позволит более пластично и эффективно отражать в вопросах регулирования динамику социальной,*

политической и экономической реальности. Для достижения целей технологического суверенитета в процессе регулирования должны появляться наиболее гибкие нормы, проводящие смежное регулирование для достижения наибольшего полезного управленческого воздействия.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *субсидии, проникающее субсидирование, технологический суверенитет, комплексные правовые образования, государственное регулирование, торговые правила, инновационная политика, промышленная политика, право ВТО*

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Глазатов М.В. 2026. О новых подходах к применению субсидий для достижения технологического суверенитета. – *Московский журнал международного права.* № 1. С. 110–123. DOI: https://doi.org/10.24833/0869-0049-2026-1-110-123

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

DOI: https://doi.org/10.24833/0869-0049-2026-1-110-123

Research article
UDC: 341
Received 6 May 2025
Approved 10 February 2026

Mikhail V. GLAZATOV
Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba
6, Miklukho-Maklaya St., Moscow, Russian Federation, 117198
mglazatov@yandex.ru
ORCID 0009-0001-0476-2235

ON NEW APPROACHES TO USING SUBSIDIES TO ACHIEVE TECHNOLOGICAL SOVEREIGNTY

INTRODUCTION. *In the context of the profound transformation of international trade relations, there is a particular emphasis on the legal assessment of subsidies in both academic discourse and legal practice. As a tool of state economic policy, subsidies can have a significant impact on competition and market access, which makes their use subject to assessment in accordance with the international trade rules. The article considers subsidies as a complex legal phenomenon. On the one hand, they are a tool of state regulation used for various purposes, including achieving technological sovereignty. On the other hand, their universality raises the question of their appropriate legal form, as they continue to be an instrument of trade policy, industrial support, and technological development. Therefore, the article discusses cases from academic and expert legal literature related to issues of national security, technological sovereignty, and complex legal structures that may include subsidies, according to the author's opinion.*

MATERIALS AND METHODS. *The hypotheses of the article are based on the author's analysis of 26 different concepts of subsidies, which are used at international, regional, and national levels. Data from international institutions' reports have also been analyzed. Some institutions have their own definitions of subsidies to, for example, count them and prepare statistics on state support measures. While preparing the article, the author used a structural-semantic approach, incorporating elements of multi-criteria evaluation. This approach combines semantic decomposition, comparative law and mathematical analysis. The research has shown that each regulatory body gives its own meaning to the definition. However, it is a challenging task to identify this meaning, but it can be done through a combined methodological approach. The hypotheses of the article are based on the analysis of various approaches to the conceptualization of technological sovereignty and the role of subsidies as an instrument*

of state support that allows for asymmetrically damping the increasing pressure of AI in economic relationships.

RESEARCH RESULTS. *The study showed that international trade rules developed within the WTO system consider subsidies from the position of the mechanism for their provision, recipient and distributor of support. However, much less attention is paid to the intended purpose of subsidies. Subsidies are considered only from the position of obtaining an advantage. That is why there is a need to adjust subsidy models. It is becoming fundamentally important to ensure rational subsidies aimed at the effective use of public resources, creating conditions for the development of modern technological production and meeting national goals for economic development.*

DISCUSSION AND CONCLUSIONS. *The integrated use of subsidies, which is aimed not at achieving price advantages but at multitasking and achieving technological independence, can be seen as a new and innovative approach to using state funds. In this regard, regulation should be more flexible, and its rules should no longer be limited to specific sectors. Instead, they should be targeted at achieving the greatest beneficial management impact. Therefore, as the author suggests, the legal constructs describing the instruments of regulation can be seen as a flexible, rather than a rigid system, especially in the current technological era. It is important to consider the dynamism and interconnection of various legal norms and institutions. This will allow us to more effectively reflect the dynamics of social, political, and economic reality in regulatory matters.*

KEYWORDS: *subsidies, penetrating subsidies, technological sovereignty, complex legal formations, government regulation, trade rules, innovation policy, industrial policy, WTO law*

FOR CITATION: Glazatov M.V. On New Approaches to Using Subsidies to Achieve Technological Sovereignty. – *Moscow Journal of International Law.* 2026. No. 1. P. 110–123. DOI: https://doi.org/10.24833/0869-0049-2026-1-110-123

The author declares the absence of conflict of interest.

1. Введение

Субсидии, несмотря на свое давнее происхождение, все так же остаются эффективным инструментом торговой политики и в век технологического развития. Какой бы ни был запрос: поддержка социально незащищенных слоев населения, развитие здравоохранения, поддержка регионального развития, сельскохозяйственного производства или промышленной продукции преимущество от использования субсидий заключается в создании в любой точке технологического развития условий для поддержания конкурентного состояния. Даже если рассматривать социальные субсидии, можно видеть, что их применение способствует созданию для социально незащищенных слоев населения таких условий, которые приближены к возможностям экономически активных масс и в том числе позволяют получить возможности самореализации на конкурентном рынке труда.

Субсидии настолько активно используется странами, что около 20% споров в рамках ВТО посвящено именно данным мерам. Их концентрация наблюдается в таких крупных экономиках, как экономики Европейского союза (далее – ЕС), США и Китая, на которые приходится до 75% всех мер поддержки. Более того, на страны «Большой двадцатки» приходятся уже около 90% мировых дотаций. Значительный скачок в использовании господдержки произошел в 2020 г., что можно связать с реакцией экономик на пандемию COVID-19, начавшуюся в этот период. Согласно данным Всемирного банка, в период пандемии COVID-19 страны больше всего предоставляли грантов (прямое субсидирование)[1]. При этом, как показал этот период, речь идет о субсидировании преимущественно наиболее «незащищенного» бизнеса – малого и среднего. Такой бизнес занят не только в производственной, но и в сфере услуг. А сфера услуг является наиболее быстроразвивающимся сектором экономики, стимулирующим и занятость населения,

[1] Tracker of Subsidies and State Aid to mitigate COVID-19 Effects. URL: https://dataviz.worldbank.org/views/AID-COVID19/Overview?%3Aembed=y&%3AisGuestRedirectFromVizportal=y&%3Adisplay_count=n&%3AshowAppBanner=false&%3Aorigin=viz_share_link&%3AshowVizHome=n (accessed date: 23.03.2025).

и технологическое развитие, поскольку трансфер цифровых технологий идет именно посредством услуг. Поэтому она требует особого внимания со стороны государства.

Финансовая статистика Международного валютного фонда показывает, что за 2021–2022 гг. отдельные члены Г-20 предоставили субсидий на 1,8 трлн долл. США[2]. Но и эта оценка, несмотря на масштабы, недостаточно полна, так как информация недоступна по таким странам «двадцатки», как Аргентина, Индия, Российская Федерация и особенно КНР.

Данный факт со всей очевидностью демонстрирует широкий спектр и активное использование в современных условиях инструмента субсидий. В связи с этим нелишним будет упомянуть, что исторически применение субсидий начиналось со взаимодействия между государствами (первыми субсидиями была помощь войсками в военных действиях) и впоследствии развивалось в ретроспективе тоже на международном уровне [Глазатов 2018:337]. И только в XX веке субсидии трансформировались и начали активно применяться государством в качестве инструмента государственной социальной, экологической, региональной и других внутренних политиках. Но это не отменяет того, что на глобальном уровне субсидии продолжают укреплять свои позиции как активный торгово-политический инструмент [Глазатов 2018:428-437].

2. Основная часть

2.1. Субсидии в глобальной системе международной торговли

Либерализация международной торговли, проводимая посредством многосторонних правил регулирования в 1990-х гг. и первой декаде XXI в., привела к образованию глобального, динамичного и открытого рынка, что способствовало активному экономическому обмену. Следствием стало то, что, во-первых, практически во всех странах внешняя торговля стала существенной доходной частью государственного бюджета, а, во-вторых, выход на открытый глобальный рынок в условиях конкурентной борьбы способствовал углублению международной специализации на производстве определенных продуктов. В большей степени это характерно для стран с приоритизацией сельского хозяйства в национальной экономике, например, Новая Зеландия: наибольшую часть экспорта (13,9%) в 2023 г. составляли товары группы 0402 «Молоко и сливки, сгущенные или с добавлением сахара или других подслащивающих веществ»[3]. Все это сопровождалось и сопровождается до сих пор субсидиями, которые решают различные вопросы, например, конкурентной и одновременно социальной политик, т.е. фактически является многозадачными. Это часто встречается в сфере АПК, где, например, аграрии постоянно «прикрыты» субсидиями (ЕС), доля которых в их доходе может доходить до 50%[4]. В качестве наиболее яркого примера промышленной специализации можно привести Тайвань (Republic of China (Taiwan))[5], который обеспечивает международный рынок чипами (60% мирового производства общих полупроводников и более 90% производства самых передовых полупроводников в 2020-х гг., и это притом, что в 1974 г. тайваньский экспорт состоял в основном из дешевых одежды и пластмассовых изделий[6]).

Следует отметить, что применение субсидирования, преимущественно в развивающихся странах, имеет решающее значение для увеличения эффективности производств [Wu 2016:216-324]. Ярким примером является китайская экономика. Китай в 1978 г. занимал менее 1% в мировой торговле, при этом основные статьи экспорта состояли из товаров, которые были произведены путем простой переработки сырьевых ресурсов и с использованием несложных технологий[7]. Бурный рост экономики КНР произошел

[2] База данных МВФ. URL: https://legacydata.imf.org/. (accessed date: 23.03.2025).

[3] New Zealand. Imports and Exports. URL: https://trendeconomy.ru/data/h2/NewZealand/TOTAL (accessed date: 23.03.2025).

[4] Дерюгина И. Ч*то движет аграриями Европы, вышедшими на демонстрации против политики ЕС*? URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/chto-dvizhet-agrariyami-evropy-vyshedshimi-na-demonstratsii-protiv-politiki-es/ (дата обращения: 23.03.2025).

[5] Министерство иностранных дел Республики Китай (Тайвань). URL: https://en.mofa.gov.tw/Default.aspx (дата обращения: 23.03.2025).

[6] Алексеев А. *Силиконовый остров*. URL: https://www.kommersant.ru/doc/6552310 (дата обращения: 23.03.2025).

[7] The Development of China's Export Performance, Presentation by Javier Silva-Ruete. Alternate Executive Director. IMF. 2006. URL: https://www.imf.org/en/News/Articles/2015/09/28/04/53/sp030706 (accessed date: 23.03.2025).

во многом за счет эффективного и мощного государственного импульса. Например, китайцы придерживаются принципа «Чжуа Да Фан Сяо», по которому крупные предприятия контролируются государством, а более мелкие находятся в частных руках[8]. Это позволяет поддерживать большие предприятия путем применения незапрещенных правилами ВТО субсидий. Такое распределенное и достаточно адресно – эффективное использование государственных ресурсов в экономике привело к переориентированию внешнеторгового оборота на продукцию высокой степени переработки, сделав Китай высокотехнологичной страной. С 1978 г. среднегодовой прирост внешней торговли составляет примерно 15% [Дин, Ковалев, Новик 2008:446].

Широкое распространение субсидирования привело к тому, что в международных, региональных и национальных юрисдикциях сформировались собственные понятия «субсидии». В этом контексте было проанализировано 26 независимых понятий субсидий, каждое из которых «приспособлено» соответствующим регулятором под определенную задачу [Глазатов 2024]. К таким задачам относятся, например: оценка экономических эффектов субсидий, включая их влияние на торговлю; секторальная оценка мер поддержки в специфических секторах, таких, например, как энергетика или сельское хозяйство, где поддержка имеет важное значение в обеспечении стабильного функционирования сектора. Анализ определений показал, что каждый регулятор закладывает свой смысл в определение. При этом выявить этот смысл представляется непростой задачей, решение которой возможно через комбинацию методов исследований: семантической декомпозиции, сравнительного правоведения и математических методов анализа. (Более подробно изложено в статье «О подходах к анализу понятия субсидии, используемого в международном экономическом праве» [Глазатов 2018:428-437]).

Основываясь на изложенных данных об эффективном использовании субсидий в различных отраслях экономики, можно констатировать, что субсидии являются универсальным инструментом. С точки зрения экономики они позволяют государству оказывать финансовую поддержку различным категориям граждан и организаций, способствуя достижению социально-экономических целей, стимулированию определенных видов деятельности и выравниванию дисбалансов в экономике. С позиции юриспруденции охватываемые ими сферы деятельности регулируются разными отраслями права, поскольку предоставление и использование господдержки затрагивает нормы, в том числе финансового, гражданского и даже международного права. Комплексный межотраслевой подход, как представляется, может быть использован для наиболее полного изучения применения субсидирования как инструмента государственной поддержки, о чем подробнее изложено далее в статье.

Особенно ценно применение субсидий в современных производствах, где их «настройка» может решать сразу несколько задач, включая технологическое развитие и достижение технологического суверенитета.

2.2. Концептуализация технологического суверенитета на уровне национального права

В научной и экспертной среде понятие «технологический суверенитет» относят к формирующейся экономике нового типа, где рыночные свободы не носят абсолютного характера, а ограничены национальными интересами и, естественным образом, национальные интересы неразрывно связаны с обеспечением суверенизации страны. Следовательно, технологический суверенитет становится важной чертой суверенной экономики, а независимость в технологической сфере на данном этапе развития и есть необходимый и существенный ингредиент суверенитета, так как обеспечивает внешнюю самостоятельность государства, то есть способность принимать решения без какого-либо стороннего вмешательства.

Правоведы подчеркивают дискуссионный и широкий характер понятия суверенитета. Некоторые авторы (А.А. Вихров, М.В. Сальников, Г.А. Адамян, О.В. Биктасов) указывают, что это понятие охватывает экономическую, социальную и другие сферы жизни общества и в этом

[8] Так называемый принцип Чжуа Да Фан Сяо (держать в руках большие предприятия, отпустить маленькие) был применен в Китае в ходе экономических реформ. Согласно этому принципу, многие мелкие госпредприятия получили право изменить не только механизм хозяйствования, но и форму собственности. Это позволило государству сосредоточить силы на улучшении положения крупных предприятий.

смысле содержание государственного суверенитета наполняется не только юридической, но социальной, политической и экономической составляющими [Вихров, Сальников, Адамян, Биктасов, 2005]. И в этом смысле процесс концептуализации понимания технологического суверенитета еще не завершен.

Четкого юридически закрепленного определения технологического суверенитета нет и в законодательствах крупнейших экономик мира. В документах ЕС технологический суверенитет характеризуется как «предотвращение ситуаций, когда ЕС зависит от единственного или ограниченного числа поставщиков технологий из третьих стран, которые имеют решающее значение для стартапов, экономического и общественного благополучия ЕС»[9]. Иными словами, суть данного явления в ЕС заключается в обеспечении постоянного доступа к критически важным технологиям. Его реализация наблюдается в таких проектах, как Горизонт Европа (Horizon Europe) – программа ЕС по финансированию исследований и инноваций на период 2021–2027 гг., направленная на укрепление научного и технологического потенциала Союза и повышение его конкурентоспособности[10], а также Европейский закон о чипах (European Chip Act)[11], предполагающий комплекс мер для обеспечения «цифрового» суверенитета ЕС, включающего поддержание стабильности импорта, устойчивости и технологического лидерства стран еврозоны. В 2025 г. предложена новая версия Horizon Europe на период 2028–2034 г. с увеличенным вдвое бюджетом и финансированием развития таких направлений, как искусственный интеллект, спутники и др.[12]

В США технологический суверенитет часто рассматривается через призму национальной безопасности, промышленной политики и конкурентоспособности[13]. Он включает способность разрабатывать, производить и контролировать ключевые технологии (особенно в сферах ИИ, полупроводников и инфраструктуры). Стратегия национальной безопасности США (National Security Strategy) от 2022 г. подчеркивает важность поддержания цепочек поставок полупроводников для обеспечения конкурентоспособности[14]. Обновленная стратегия от 2025 г.[15] идет еще дальше и предусматривает, что именно американские технологии и стандарты, особенно в области ИИ, биотехнологий и квантовых вычислений должны способствовать прогрессу всего мира. Фактически США стараются закрепить за собой лидерство в передовых секторах науки и промышленности. Достижению этой цели способствует принятый в 2022 г. Закон о чипах и науке (CHIPS and Science Act)[16], направленный на возвращение производства полупроводников в Америку и создание новой технологической базы.

В китайском контексте технологический суверенитет рассматривается как стратегическая цель обеспечения независимости от западных технологий и развития собственных инноваций. Китай концентрируется на создании собственных технологических цепочек (в сферах ИИ, микросхем), а также укреплении внутренних компетенций через модель технологического трансфера[17]. В результате мы можем наблюдать описанный выше рывок в экспорте. Данный подход реализуется через такие программы, как Сделано в Китае (Made in China 2025), суть

[9] Annex to the Statement of the EIC pilot Advisory Board at the launch of the EIC. European Innovation Council. 2021. URL: https://eic.ec.europa.eu/eic-communities/eic-board/eic-pilot-advisory-board_en. (accessed date: 21.12.2025).

[10] Horizon Europe. URL: https://research-and-innovation.ec.europa.eu/funding/funding-opportunities/funding-programmes-and-open-calls/horizon-europe_en (accessed date: 21.12.2025)

[11] European Commission. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_22_729; https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/news/digital-sovereignty-european-chips-act-enters-force. (accessed date: 21.12.2025).

[12] Horizon Europe 2028–2034: twice bigger, simpler, faster and more impactful. URL: https://research-and-innovation.ec.europa.eu/news/all-research-and-innovation-news/horizon-europe-2028-2034-twice-bigger-simpler-faster-and-more-impactful-2025-07-16_en (accessed date: 21.12.2025).

[13] Демидова С. *Технологический суверенитет: как его обеспечивает Европа, Китай и США.* 2025. URL: https://www.fa.ru/university/structure/university/uso/press-service/press-releases/tekhnologicheskiy-suverenitet-kak-ego-obespechivayut-evropa-kitay-i-ssha. (дата обращения: 21.12.2025).

[14] National Security Strategy of the United States of America. 2022. URL: https://bidenwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf (accessed date: 21.12.2025).

[15] National Security Strategy of the United States of America. 2025. URL: https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2025/12/2025-National-Security-Strategy.pdf (accessed date: 21.12.2025).

[16] CHIPS and Science. URL: https://www.nsf.gov/chips (accessed date: 21.12.2025).

[17] Демидова С. Указ. соч.

которой заключается в выявлении и внедрении в производство ключевых технологий в сферах ИИ, 5G, аэрокосмической и электромобильной промышленностей и биотехнологий[18].

В России понятие технологического суверенитета более конкретизировано. В концепции технологического развития на период до 2030 г.[19], утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации, он определяется, как наличие в стране (под национальным контролем) критических и сквозных технологий собственных линий разработки и условий производства продукции на их основе, обеспечивающих устойчивую возможность государства и общества достигать собственные национальные цели развития и реализовывать национальные интересы. Кроме того, там же уточняется, что технологический суверенитет обеспечивается в двух основных формах: 1) исследования, разработка и внедрение критических и сквозных технологий; 2) производство высокотехнологичной продукции, основанного на указанных технологиях.

Таким образом, через все рассмотренные страновые подходы к технологическому суверенитету красной нитью прослеживается желание правительств получить независимую, устойчивую от внешних факторов, высокотехнологичную промышленность, которая смогла бы обеспечить мировое лидерство и, соответственно, устойчивые доходы, в том числе от экспортной деятельности.

Следует отметить, что проблематика технологического суверенитета широко исследуется, как в работах отечественных (А.А. Афанасьева, И.И. Приходько, А.А. Кокошина и др.), так и зарубежных ученых (П. Гранта, Я. Эдлера, К. Блинда, Х. Кролла, Т. Шуберта, Р. Шомберг, Ю. Чен, Л. Флориди и др.), рассматривающих данное понятие и с точки зрения построения и функционирования системы национальной безопасности, и в контексте независимости действий правительства в торговой и экономической сферах. Например, А.А. Кокошин выдвигает концепцию «реального суверенитета», которая заключается в способности государства проводить собственную внутреннюю, внешнюю и оборонную политику [Какошкин 2005]. И.И. Приходько изучает технологический суверенитет с позиции возможности самостоятельного создания или приобретения технологий, которые не могут привести к возникновению технологической зависимости [Приходько 2022; 2023].

Иностранные ученые (Я. Эдлер, К. Блинд, Х. Кролл, Т. Шуберт) связывают стремление к технологическому суверенитету с провалившейся стратегией взаимозависимости стран (или международного разделения труда), которая игнорирует «риски сотрудничества» [Edler, Blind, Kroll, Schubert 2023]. Суть данной стратегии заключается в том, что странам необязательно развивать производства, результаты деятельности которых (товары) они могут импортировать на основе двусторонних и многосторонних договоренностей, в том числе, например, соглашений ВТО. Однако современные тенденции развития торгово-политических отношений и прежде всего развивающиеся торговые войны, свидетельствуют о том, что договоренности могут не соблюдаться в том числе по политическим причинам. В ход идут не только проверенные временем тарифные ограничения (США, Канада, ЕС, Китай), но и санкции, рестрикции и другие меры воздействия.

Вместе с тем Рене фон Шомберг считает, что концепции технологического и инновационного суверенитета открывают путь к устранению существующих пробелов в управлении технологиями и инновациями [Schomberg 2025]. По его мнению, технологический суверенитет направлен на внедрение социально-политических целей в развитие технологий и инноваций, влияющих на экономическое управление и обеспечение направленности технологического потенциала. Л. Флориди, Ю. Чен, Р. Бальдони, Д. Ди Луна в своих исследованиях заходят еще глубже, анализируя отдельный, особый аспект суверенитета – цифровой суверенитет. Быстрое распространение технологий ИИ, по мнению исследователей, открыло новую эру возможностей и проблем. Они формируют новую парадигму – суверенитета ИИ, которая включает контроль над развитием ИИ, суверенитетом данных, экономическими последствиями, соображениями национальной безопасности и этическими

[18] Blaugher D., Gordon B. Made in China 2025: Evaluation China's Performance. U.S.-China Economic and Security Review Commission. 2025.

[19] Распоряжение Правительства Российской Федерации от 20 мая 2023 г. № 1315-р «Об утверждении Концепции технологического развития Российской Федерации на период до 2030 года».

и культурными аспектами [Floridi 2020; Chen 2024; Baldoni, Di Luna 2025].

В этих условиях одним из наиболее результативных способов демпфирования применения ИИ-инструментов является использование асимметричного, проверенного и эффективного способа прямого воздействия на экономику посредством субсидий, которые всегда были в арсенале государства, когда возникали сложные задачи поддержки национальных производителей, незащищенных слоев населения и др.

В контексте технологического суверенитета, который, по мнению некоторых российских исследователей (А.А. Афанасьев и др.) тесно связан с обеспечением национальной безопасности [Афанасьев 2022:2377-2394], именно через субсидии ресурсно может быть поддержано формирование независимой исследовательской и прикладной баз, поскольку субсидирование научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (далее – НИОКР) является «разрешенным» с точки зрения правил ВТО.

В настоящее время положение ст. 8 Соглашения ВТО по субсидиям и компенсационным мерам, устанавливающей правила предоставления таких видов поддержки, не действует. Однако на практике существует общее недекларированное согласие считать субсидии на научные исследования «допустимыми» мерами, поскольку они не оказывают прямого искажающего воздействия на рыночную среду, и при этом сохраняют суверенное право государств по обеспечению независимости в области науки, техники и технологий, что чрезвычайно важно как раз именно с точки зрения национальной безопасности.

Фактически речь идет о формировании такой ресурсной среды, где невозможна блокировка приобретения какой-либо технологии или ограничения самостоятельности в ее разработке. Реализация этой среды представляется сложной задачей, требующей скоординированных действий на государственном уровне, куда должна войти не только разработка документов стратегического планирования, учитывающих аспект обеспечения независимой исследовательской, ресурсной и промышленной основ, а также формирование определенных, заточенных под решение обозначенных задач, инструментов поддержки. Только таким образом возможно создание «открытой экономики суверенного типа» [Афанасьев 2023:29-46].

Другим аспектом технологического суверенитета, по мнению западных исследователей (П. Грант) является способность государства свободно создавать, приобретать, применять и эксплуатировать в коммерческих целях технологию, необходимую для промышленных инноваций [Grant 1983]. Такой взгляд раскрывает многоаспектность и сложность рассматриваемого вопроса, поскольку касается уже не только профессиональной и промышленной инфраструктуры, но и поднимает проблему внутристрановой компетенции. Последнее, как считают некоторые эксперты (Я. Эдлер, К. Блинд, Х. Кролл, Т. Шуберт), касается «суверенитета правительственных действий», целью которого является «поддержание национальной конкурентоспособности», и в этом контексте субсидии как инструмент поддержки приобретают коннотацию мер, применяемых государством, для поддержания суверенитета.

2.3. О влиянии субсидии на достижение технологического суверенитета

В этом смысле промышленные субсидии, активно рассматриваемые в рамках системы многостороннего регулирования торговли, могут и должны быть исследованы с позиции влияния на обеспечение технологического суверенитета. Именно они предоставляют преимущества для национальных производителей с целью укрепления их рыночных позиций и поэтому являются предметом регулирования со стороны ВТО. В рамках работы Органа по разрешению споров ВТО по состоянию на конец 2025 г. из 631 спора вопросы промышленного субсидирования были рассмотрены в 141 случае[20]. Следует отметить, что данная международная организация также регулирует и вопросы сельскохозяйственного субсидирования, однако, это направление поддержки несет в себе значительную социальную составляющую в силу специфики сельскохозяйственной деятельности. Также не рассматриваются и такие субсидии, как поддержка предпринимательской активности (т.е. микро и малого бизнеса), субсидии федерального центра регионам и другие аналогичные виды субсидирования.

[20] Dispute settlement activity – some figures. URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/dispustats_e.htm (accessed date: 21.12.2025).

А промышленные субсидии способны решать различные аспекты национальных интересов в техносфере. Путем их правильного и точечного использования правительство может поддерживать исследовательский, ресурсный или иной компонент технологического суверенитета. При этом важное значение приобретает определение субсидий.

В настоящее время международные торговые правила, выработанные в рамках ВТО и имплементированные в национальные законодательства его членов, смотрят на субсидии в основном с позиции механизма их предоставления, получателя и распределителя поддержки, поскольку данные элементы наиболее детализированы. А такой элемент, как целевое назначение субсидий «остается в тени». Это также характерно и для региональных объединений (например, ЕС и Евразийский экономический союз (далее - ЕАЭС)). Цель предоставления субсидии определяется широко - предоставление преимущества [Глазатов 2021:120-130]. Однако именно целевое субсидирование (например, когда его результаты заранее заданы (проектное субсидирование) и должны быть продемонстрированы органу, их выдавшему) способно эффективно выполнять задачи технологического суверенитета. Именно такой подход представляется наиболее оправданным в контексте предоставления господдержки в национальных интересах.

Следует отметить, что экономический фактор в технологическом суверенитете присутствует и в определении, установленном в Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации[21]. Так, суверенитет Российской Федерации в технологической сфере определяется, как способность государства создавать и применять наукоемкие технологии, критически важные для обеспечения независимости и конкурентоспособности, и иметь возможность на их основе организовать производство товаров (выполнение работ, оказание услуг) в стратегически значимых сферах деятельности общества и государства;

В контексте этого с учетом доктрины, документов стратегического планирования, а также необходимости расширения видов субсидирования в целях поддержки промышленности для достижения технологического суверенитета, принципиально важно обеспечить smart – эффективное субсидирование, поскольку господдержка представляет собой универсальный инструмент реализации государственных функций, в том числе в сферах промышленной, социальной и торговой политик.

Новый толчок развитию цифровых технологий дал президент США Д. Трамп, который своими указами от 20 января 2025 г. не только вышел из Парижского соглашения по климату 2015 г., но и провозгласил обновленную внешнеторговую политику – «Америка прежде всего». В числе прочего распоряжения Д. Трампа предусматривают пересмотр правил, касающихся поддержки развития энергетической сферы и связанной с ней секторов промышленности. Значительно сокращается финансовая помощь возобновляемой энергетике, а основу будущего развития Соединенные Штаты видят в сопряжении двух треков: сырьевого и высокотехнологичного.

Активизация сырьевого сектора, формирующего одно из абсолютных преимуществ страны в развитии высокотехнологичной промышленности и цифровых услуг, создает эффект «энергетической поддержки» ИИ. Кроме того, объявленные Д. Трампом преобразования, как представляется, будут способствовать, что более важно, прогрессу в секторах экономики, связанных со сферой услуг. Все очевиднее, что в ближайшее время с развитием ИИ ядром торговли станут именно услуги.

Недавний доклад Всемирного экономического форума «ИИ в действии: от экспериментов к трансформации промышленности»[22] подтверждает, что ИИ призван произвести революцию во всех областях, изменив способы выполнения задач, а также переопределив создание цепочек стоимости. Искусственный интеллект закладывает основу перехода к следующей промышленной революции, поскольку речь идет о модификации способов производства и производственных отношений.

Как уже отмечалось выше, субсидии активно используются в целях финансовой поддержки населения. Очевидно, что такая поддержка является одной из прямых «обязанностей»

[21] Указ Президента Российской Федерации от 28 февраля 2024 г. № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации».

[22] AI in Action: Beyond Experimentation to Transform Industry. Flagship White Paper Series. URL: https://reports.weforum.org/docs/WEF_AI_in_Action_Beyond_Experimentation_to_Transform_Industry_2025.pdf (accessed date: 23.03.2025).

государства, поскольку имеет явный социальный эффект. «Социальное» субсидирование, как правило, носит целевой характер и направлено на улучшение качества жизни отдельных групп граждан. Поддерживается приобретение жилья, лекарств, транспортных средств, оплата услуг и т.п. Таким образом, помимо социальных проблем косвенно поддерживается покупательная способность, т.е. экономическая активность, а, следовательно, создаются условия технологическому развитию.

Сравнительно новым направлением субсидирования является содействие переходу на «зеленый» трек развития экономики, который до недавнего времени нес значительную положительную технологическую составляющую и безоговорочно поддерживался. Сейчас это уже не так однозначно. «Зеленое» субсидирование уже вызывает споры в рамках ВТО. Речь идет о споре ЕС и Японии против Канады[23] в отношении льготных тарифов, применяемых в провинции Онтарио для производителей возобновляемой энергии (feed in tariff). Третейская группа и затем Апелляционный орган признали нарушение правил ВТО, однако не дали ответа на вопрос, является ли субсидией рассматриваемый льготный тариф. В частности, Апелляционный орган не смог определить, имеет ли место предоставление преимущества производителям электроэнергии в Онтарио. Также примером спора, где рассматривалось соответствие «зеленых» субсидий нормам ВТО, может служить жалоба США по вопросу поддержки Индией производителей солнечных батарей[24]. Этот спор связан с требованиями по обязательному использованию производителями чистой энергии доли отечественного оборудования. В данном деле ответчик потерпел поражение, а Третейская группа и затем Апелляционный орган подтвердили нарушение норм ВТО.

Благородная цель декарбонизации экономики, как уже стало очевидно, достигается существенными затратами. К потенциальным новым торговым спорам может привести, например, Углеродный трансграничный компенсационный механизм ЕС (далее – CBAM), касающийся мер по контролю за выбросами углерода. Российская Федерация 12 мая 2025 г. направила запрос на проведение консультаций с ЕС и его государствами-членами в отношении мер, касающихся CBAM[25]. Российская сторона заявила, что они противоречат базовым принципам Генерального соглашения по тарифам и торговле 1995 г., а именно статьям I:1, II:1(a), II:1(b), III:1, III:2, III:4, X:3(a) и XI:1. Однако, как можно предположить, «зеленое» субсидирование продолжит развиваться, поскольку иные способы стимулирования перехода к более чистой энергетике вряд ли будут найдены в ближайшее время.

Несмотря на расширение областей применения субсидирования, использование этого инструмента основано на традиционных механизмах, сложившихся, как уже было отмечено, еще в прошлом веке. В отношении них выработаны многосторонние глобальные правила, которые явно сдерживают суверенное проведение национальной промышленной политики. В результате страны, в особенности развивающиеся, вынуждены прибегать к различным сложным цепочкам транзакций доведения помощи, в частности, используется региональный уровень предоставления субсидий. Наиболее активно региональную поддержку оказывают Китай, Индия, ЕС и США[26].

Разумеется, гонка субсидий ведет к тому, что снижаются дивиденды «мира» от состояния открытого и конкурентного рынка. Выработка регулирующих норм, которые еще больше ужесточат правила субсидирования заведомо, проигрышный путь, который в итоге приведет к разбалансировке многосторонней торговой системы, поскольку ни одно государство не откажется от поддержки национальных производителей.

Следовательно, назрел вопрос об изменении модели субсидирования, которая бы, с одной стороны, сохранила общее значение субсидии, как помощи, а с другой стороны, было бы

[23] Canada – Certain measures affecting the renewable energy generation sector (DS412) и Canada – Measures relating to the feed-in tariff program (DS426).

[24] United States – Certain Measures Relating to the Renewable Energy Sector (DS510).

[25] Russia initiates WTO dispute regarding EU's carbon border adjustment and emissions trading. URL: https://www.wto.org/english/news_e/news25_e/ds639rfc_19may25_e.htm (accessed date: 19.05.2025).

[26] Subsidies, Trade, and International Cooperation. Prepared by staff of IMF, OECD, World Bank, and WTO. 2022. URL: https://www.imf.org/en/Publications/analytical-notes/Issues/2022/04/22/Subsidies-Trade-and-International-Cooperation-516660 (accessed date: 23.03.2025).

направлено на рациональное использование государственных ресурсов, создающих условия для развития современных технологичных производств, отвечающих национальным целям развития экономики. Новые методы субсидирования могут быть направлены не на получение ценового преимущества, а на многозадачность и достижение технологического суверенитета. Конечно, некоторым образом, это модернизирует суть субсидирования. В этом контексте в процессе регулирования могут появляться наиболее гибкие и эффективные нормы, которые перестают быть только отраслевыми и нацелены на смежное регулирование для достижения наибольшего полезного управленческого воздействия. Такое смежное регулирование обеспечит поддержку развития сразу нескольких секторов экономики, то есть образуется, можно сказать, сквозной мультиплицирующий эффект. Например, такой, какой можно ожидать от комбинирования субсидирования энергетического и высокотехнологического секторов, которое сейчас вводит Д. Трамп. Снижая стоимость энергии и вкладываясь в развитие ИИ, США применяют именно этот тип «нового» субсидирования.

Комбинированное субсидирование отвечает современным технологическим вызовам и даже, не просто мультиплицирует эффект, а связывает в технологические цепочки несколько отраслей (или секторов) экономики и, следовательно, может оказывать влияние на различные общественные отношения. При этом предмет правового регулирования может различаться. Целесообразно рассмотреть данное явление более подробно, поскольку, например, технологический компонент в развитии высокотехнологичного сектора (ИИ) привносит обязательную составляющую, связанную с регулированием защиты прав интеллектуальной собственности.

Данный фактор явился триггером к рассмотрению господдержки (субсидирования), как комплексного правового явления, которое несет в себе правоотношения, относящиеся к различным отраслям права: экономическому, гражданскому, финансовому.

2.4. Государственная поддержка (субсидирование) как комплексное правовое явление

Следует отметить, что в отношении комплексных правовых образований уже давно ведется правовая дискуссия относительно их природы и места. С одной стороны, по мнению российских ученых (А.Я. Вышинский, О.С. Иоффе, М.Д. Шаргородский, Н.В. Сильченко) любая из существующих норм права входит только в одну отрасль права, так как она регламентирует однородную группу общественных отношений [Сильченко 2002]. Одна и та же норма права не может одновременно регулировать два различных вида общественных отношений [Иоффе, Шаргородский 1962], поэтому, с этой точки зрения, современная конструкция российского права, в принципе, не допускает присутствие норм, регулирующих сразу несколько отраслей.

С другой стороны, есть и сторонники комплексных отраслей права (В.К. Райхер, С.С. Алексеев, В.Ф. Мешера, М.И. Пискотин, Ц.А. Ямпольская). Впервые мысль о том, что наряду с основными могут существовать и комплексные отрасли права, была изложена Райхером в 1947 г. в докторской диссертации «Общественно-исторические типы страхования». В противоположность принципу строгого деления права на отрасли, который был предложен А.Я. Вышинским [Вышинский 1938], Райхер утверждал, что система права может быть построена и на диалектическом подходе, поскольку для нее закономерны также случаи отдельных смешанных институтов или областей права [Райхер 1947]. Такая смешанная область права может состоять из элементов, относящихся к различным предметам правового регулирования и к различным отраслям права. Однако, несмотря на разнородность нормативного содержания, остается предметное единство в том смысле, что разнородные элементы правового регулирования внутренне связаны в один конгломерат. Поэтому они, с его точки зрения, могут быть признаны звеньями правовой системы, расположенными в различных классификационных плоскостях этой системы. В качестве примера такой смешанной области права Райхер приводил страховое право. Он отмечал особый круг общественных отношений, как предмет правового регулирования, связанных со страховым правом. Охрана производственных сил и материального благосостояния граждан, осуществляемая без страхования и при использовании страхования, осуществляется не только различными методами охраны, но и составляет различные предметы правового регулирования. К отраслям, составляющим предмет страхового права, Райхер относил гражданское право, поскольку оно включает имущественные отношения, возникающие между страховыми органами и страхователями, а также финансовое право, так как имеют место правоотношения,

возникающие в отношении самой страховой организации при осуществлении ею деятельности, особенно в части вопросов государственного страхования, где присутствует тесная связь с государственными финансовыми структурами.

Некоторые иностранные правоведы (Г. Тойбнер, К. Йоргес, Д. Цумбанзен) также придерживались мнения, что современные правовые системы не ограничиваются классическими отраслями, а формируют комплексные, самореферентные правовые образования, которые частично автономны и пересекают традиционные границы отраслей [Teubner 2012; Zumbansen 2012; Joerges 2018; Teubner, Zumbansen 2022]. В частности, Г. Тойбнер, один из ведущих теоретиков системного права и концепции комплексных правовых образований, рассматривал право, как самореферентную систему, способную развиваться независимо от государства и классических отраслей. Он, например, относил транснациональное право к новой форме юридического плюрализма [Teubner 2020].

3. Заключение

Таким образом, акцент на отношениях, связанных с использованием государственных финансовых ресурсов, имеет важное значение. Участие государства в финансовой поддержке всегда накладывает определенные ограничения и особенности правового регулирования. Здесь очевидна аналогия с субсидиями – инструментом государственного регулирования общественных отношений, связанным с вопросами использования государственных финансовых ресурсов. И можно говорить, что такие отношения могут регулироваться различными нормами и относиться к комплексным отраслям права, особенно если речь идет о проникающих субсидиях, которые сочетают поддержку промышленных предприятий, научную сферу (НИОКР), логистику и т.п.

С этой точки зрения комплексное субсидирование можно рассматривать, как инновационный подход, в котором комбинированный предмет правового регулирования относится к различным отраслям права, в частности, вопросы поддержки промышленности – к экономическому, защиты прав интеллектуальной собственности – к гражданскому праву[27], межбюджетных отношений – к финансовому и др. При этом, если предметом правового регулирования экономического права являются общественные отношения, связанные с производственной, хозяйственной и коммерческой деятельностью субъектов экономики, то с точки зрения гражданского права – это имущественные и неимущественные отношения, включая права на результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации (интеллектуальных прав), а расходование бюджетных средств – это отношения из области финансового права. Поэтому предоставление такого типа субсидирования требует комплексного правового регулирования.

Таким образом, право, скорее всего, можно рассматривать не как строго делимую систему отраслей, особенно в текущий технологический век, а учитывать динамичность и взаимосвязь различных правовых норм и институтов, что позволяет более гибко и эффективно отражать изменения в социальной, политической и экономической измерениях реальности.

Ответы на эти вопросы еще предстоит найти, однако уже сейчас понятно, что потребность в концептуализации правового регулирования новых форматов субсидирования неизбежно проявится в не такой уж и отдаленной перспективе. Особенно в отношении предоставления такого вида поддержки, например, в рамках ЕАЭС, где нормы национального права, охватывающие данный вопрос, у государств – членов могут отличаться, что, безусловно, скажется и на правовой определенности проникающих субсидий.

Список литературы

1. Афанасьев А.А. 2022. Технологический суверенитет» как научная категория в системе современного знания. – *Экономика, предпринимательство и право*. Т. 12. № 9. С. 2377-2394.
2. Афанасьев А.А. 2023. Теоретико-методологические основы промышленной политики и основные

[27] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) : федер. закон Рос. Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ : принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 21 октября 1994 года (ред. от 8 августа 2024 г., с изм. от 31 октября 2024 г.).

направления их совершенствования в современной России. – *Экономика, предпринимательство и право*. Т. 13. № 1. С. 29-46.
3. Вихров А.А., Сальников М.В., Адамян Г.А., Биктасов О.В. 2005. Понятие и сущность суверенитета. – *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России*. № 3 (27).
4. Вышинский А.Я. 1938. Основные задачи науки советского социалистического права. – *Советское государство и право*. № 1. С. 29-30.
5. Глазатов М.В. 2018. Понятийный аппарат субсидии: эволюция и использование в рамках многосторонних правил торговли. – *Евразийский юридический журнал*. № 10 (125).
6. Глазатов М.В. 2021. Субсидии в законодательстве отдельных стран – членов ВТО и интеграционных объединений: сравнительно-правовой анализ. – *Государство и право*. № 4. С. 120-130.
7. Глазатов М.В. 2024. О подходах к анализу понятия субсидии, используемого в международном экономическом права. – *Международный правовой курьер*. № 2.
8. Дин Ж., Ковалев М.М., Новик В.В. 2008. Феномен экономического развития Китая. Мн.: Издательский центр БГУ. 446 с.
9. Иоффе О.С., Шаргородский М.Д. 1961. *Вопросы теории права*. Государственное издательство Юридическая литература, Москва. 381 с.
10. Кокошин А. А. 2005. *Реальный суверенитет в современной мирополитической системе*. Москва: URSS: Ленанд. 70 с.
11. Приходько И.И. 2022. Теоретические аспекты концепции технологического суверенитета. – *Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Экономика и управление*. Т. 8 (74). № 4. С. 88-96.
12. Приходько И.И. 2023. Система индикаторов технологического суверенитета государства. – *Проблемы современной экономики*. № 2 (86). С. 32-35.
13. Райхер В.К. *Общественно-исторические типы страхования*. Москва; Ленинград: Изд-во Акад. наук СССР, 1947. 282 с.
14. Сильченко Н.В. 2002. Некоторые проблемы отраслевой структуры права. – *Государство и право: теория и практика*. Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 1. Калининград: Изд-во КГУ.
15. Baldoni R., Di Luna G. 2025. Sovereignty in the digital era: the quest for continuous access to dependable technological capabilities. – *IEEE Security & Privacy*. Vol. 23 (1). P. 91-96.
16. Chen Yu. 2024. AI Sovereignty: Navigating the Future of International AI Governance. – *PhilArchive (manuscript/preprint)*. PhilArchive record.
17. Edler J., Blind K., Kroll H., Schubert T. 2023. Technology sovereignty as an emerging frame for innovation policy. Defining rationales, ends and means. Research Policy.
18. Floridi L. 2020. The Fight for Digital Sovereignty: What It Is, and Why It Matters, Especially for the EU. – *Philosophy & Technology*. Vol. 33. № 3. P. 369-378.
19. Grant P. 1983. Technological Sovereignty: Forgotten Factor In The Jhi-Tech' Razzamatazz. – *Prometheus*. Vol. 1. No 2.
20. Joerges C. 2018. European Integration and Transnational Governance: The Emerging Legal Orders in the European Union. – *European Law Journal*. Vol. 24. No. 2. P. 123-145.
21. Teubner G. 2012. Global Bukowina: Legal Pluralism in the World Society. – *Global Law without a State: Essays on Private Law and Collective Governance*. Berlin; New York: De Gruyter. P. 3-28.
22. Teubner G. 2020. Transnational law as a new legal pluralism: Multiple faces of the rule of law. – *Transnational Legal Theory*. Vol. 11. No. 3. P. 267-288.
23. Teubner G., Zumbansen D. 2022. *The Many Lives of Transnational Law: Critical Engagements with Gunther Teubner and Transnational Legal Studies*. 2nd ed., revised. Oxford: Hart Publishing. 320 p.
24. von Schomberg R. 2025. On Technological and Innovation Sovereignty: A Response to Carl Mitcham's Call for a Political Theory of Technology. – *NanoEthics*. Vol. 19. № 2.
25. Wu M. 2016. The 'China, Inc.' Challenge to Global Trade Governance. – *Harvard International Law Journal*. Vol. 57 (2). P. 216-324.
26. Zumbansen D. 2012. Transnational Law. – *Max Planck Encyclopedia of Public International Law*. Oxford University Press. URL: https://opil.ouplaw.com/view/10.1093/law:epil/9780199231690/law-9780199231690-e1842 (accessed date: 06.08.2025).

References

1. Afanas'ev A.A. Tekhnologicheskij suverenitet kak nauchnaya kategoriya v sisteme sovremennogo znaniya [Technological sovereignty as a scientific category in the system of modern knowledge]. – *Ekonomika, predprinimatel'stvo i parvo [Economy, entrepreneurship and law]*. 2022. T. 12. № 9. S. 2377-2394. (In Russ.)
2. Afanas'ev A.A. Teoretiko-metodologicheskie osnovy promyshlennoj politiki i osnovnye napravleniya ih sovershenstvovaniya v sovremennoj Rossii [Theoretical and methodological foundations of industrial policy and the main directions of their improvement in modern Russia]. – *Ekonomika, predprinimatel'stvo i parvo [Economy, entrepreneurship and law]*. 2023. T. 13. № 1. S. 29-46. (In Russ.)
3. Baldoni R., Di Luna G. Sovereignty in the digital era: the quest for continuous access to dependable technological capabilities. – *IEEE Security & Privacy*. 2025. Vol. 23 (1). P. 91-96.
4. Chen Yu. AI Sovereignty: Navigating the Future of International AI Governance. – PhilArchive (manuscript/preprint). PhilArchive record. 2024.
5. Din ZH., Kovalev M.M., Novik V.V. *Fenomen ekonomicheskogo razvitiya Kitaya [The Phenomenon of China's Economic Development]*. Minsk: Izdatel'skij centr BGU. 2008. 446 s. (In Russ.)
6. Edler J., Blind K., Kroll H., Schubert T. Technology sovereignty as an emerging frame for innovation policy. Defining rationales, ends and means. Research Policy. 2023.
7. Floridi L. The Fight for Digital Sovereignty: What It Is, and Why It Matters, Especially for the EU. – *Philosophy & Technology*. 2020. Vol. 33. № 3. P. 369-378.
8. Glazatov M.V. O podhodah k analizu ponyatiya subsidii, ispol'zuemogo v mezhdunarodnom ekonomicheskom prava [On approaches to the analysis of the concept of a subsidy used in international economic law]. – *Mezhdunarodnyj pravovoj kur'er [International Legal Courier]*. 2024. № 2. (In Russ.)

9. Glazatov M.V. Ponyatijnyj apparat subsidii: evolyuciya i ispol'zovanie v ramkah mnogostoronnih pravil torgovli [The conceptual framework of subsidies: the evolution and use within the multilateral trade rules]. – *Evrazijskij yuridicheskij zhurnal [Eurasian Law Journal]*. 2018. № 10 (125). (In Russ.)
10. Glazatov M.V. Subsidii v zakonodatel'stve otdel'nyh stran – chlenov VTO i integracionnyh ob"edinenij: sravnitel'no-pravovoj analiz [Subsidies in certain WTO – Members and integration associations' legislation: comparative legal analysis]. – *Gosudarstvo i pravo [State and Law]*. 2021. № 4. S. 120-130. (In Russ.)
11. Grant P. Technological Sovereignty: Forgotten Factor In The Jhi-Tech' Razzamatazz. – *Prometheus*. 1983. Vol. 1. No 2.
12. Ioffe O.S., SHargorodskij M.D. *Voprosy teorii prava [Questions of the Theory of Law]*. Gosudarstvennoe izdatel'stvo YUridicheskaya literatura, Moskva. 1961. 381 s.
13. Joerges C. European Integration and Transnational Governance: The Emerging Legal Orders in the European Union. – *European Law Journal*. 2018. Vol. 24. No. 2. P. 123-145.
14. Kokoshin A. A. *Real'nyj suverenitet v sovremennoj miropoliticheskoj sisteme [Real sovereignty in the modern world-political system]*. Moscow: URSS: Lenand. 2005. 70 s. (In Russ.)
15. Prihod'ko I.I. Sistema indikatorov tekhnologicheskogo suvereniteta gosudarstva [System of indicators of technological sovereignty of the state]. – *Problemy sovremennoj ekonomiki [Problems of modern economics]*. 2023. № 2 (86). S. 32-35. (In Russ.)
16. Prihod'ko I.I. Teoreticheskie aspekty koncepcii tekhnologicheskogo suvereniteta [Theoretical aspects of the concept of technological sovereignty]. – *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Ekonomika i upravlenie [Scientific notes of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky. Economics and management]*. 2022. T. 8 (74). № 4. S. 88-96. (In Russ.)
17. Rajher V.K. *Obshchestvenno-istoricheskie tipy strahovaniya [Social and historical types of insurance]*. Moscow; Leningrad: Izd-vo Akad. nauk SSSR. 1947. 282 s. (In Russ.)
18. Sil'chenko N.V. Nekotorye problemy otraslevoj struktury prava [Some problems of the sectoral structure of law.]. – *Gosudarstvo i pravo: teoriya i praktika. Mezhvuz. sb. nauch. tr. [State and law: theory and practice: Interuniversity. collection of scientific papers]*. Vyp. 1. Kaliningrad: Izd-vo KGU. 2002. (In Russ.)
19. Teubner G. Global Bukowina: Legal Pluralism in the World Society. – *Global Law without a State: Essays on Private Law and Collective Governance*. Berlin; New York: De Gruyter. 2012. P. 3-28.
20. Teubner G. Transnational law as a new legal pluralism: Multiple faces of the rule of law. – *Transnational Legal Theory*. 2020.Vol. 11. No. 3. P. 267-288.
21. Teubner G., Zumbansen D. *The Many Lives of Transnational Law: Critical Engagements with Gunther Teubner and Transnational Legal Studies*. 2nd ed., revised. Oxford: Hart Publishing. 2022. 320 p.
22. Vihrov A.A., Sal'nikov M.V., Adamyan G.A., Biktasov O.V. Ponyatie i sushchnost' suvereniteta [The concept and essence of sovereignty]. – *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii [Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia]*. 2005. № 3 (27). (In Russ.)
23. von Schomberg R. On Technological and Innovation Sovereignty: A Response to Carl Mitcham's Call for a Political Theory of Technology. – *NanoEthics*. 2025. Vol. 19. № 2.
24. Vyshinskij A.YA. Osnovnye zadachi nauki sovetskogo socialisticheskogo prava [The Main Tasks of the Science of Soviet Socialist Law]. – *Sovetskoe gosudarstvo i pravo [Soviet State and Law]*. 1938. № 1. S. 29-30. (In Russ.)
25. Wu M. The 'China, Inc.' Challenge to Global Trade Governance. – *Harvard International Law Journal*. 2016. Vol. 57 (2). P. 216-324.
26. Zumbansen D. Transnational Law. – *Max Planck Encyclopedia of Public International Law*. Oxford University Press. 2012. URL: https://opil.ouplaw.com/view/10.1093/law:epil/9780199231690/law-9780199231690-e1842 (accessed date: 06.08.2025).

Информация об авторе

Михаил Владимирович ГЛАЗАТОВ
Аспирант кафедры международного права, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

Миклухо-Маклая ул., 6, Москва, 117198, Российская Федерация

mglazatov@yandex.ru
ORCID 0009-0001-0476-2235

About the Author

Mikhail V. GLAZATOV
Postgraduate Student of the Department of International Law, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

6, Miklukho-Maklaya St., Moscow, Russian Federation, 117198

mglazatov@yandex.ru
ORCID 0009-0001-0476-2235